

ко времени второго южнославянского влияния. Отсюда следует необыкновенная ценность для исследователей истории русского литературного языка показаний, извлекаемых из данных памятников традиционного содержания.

В главе третьей (с. 208—223), призывающей по содержанию к предыдущей, говорится о текстологических особенностях апракосов, не положенных в основу генерального разбиения списков, т. е. распределения последних на типы и классы.

В четвертой главе (с. 224—263) рассматривается общая группировка славянских рукописей евангелия X—XIV вв. Л. П. Жуковская подробно выясняет типологию евангельских переводов как единиц кодикологического исследования. Ею выделяются и подробно характеризуются такие типы книг, как: «Апракос краткий», «Апракос полный», «Тетр». Особняком стоит вопрос о «Праздничном (воскресном) апракосе» как о возможно первом древнеславянском переводном тексте, созданном первоучителями славян. Еще в 1966 г. в статье «Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников»² Л. П. Жуковская ясно показала путь постепенного сложения различных типов книг, содержащих тексты евангелий. От «Краткого апракоса» (по всей вероятности, переведенного самим Константином еще до его миссии в Моравию) к тексту «Тетров», четьих евангелий, расположенных в хронологическом порядке глав всех четырех евангелистов. Полный же апракос сложился, как уже сказано, на русской почве путем дополнений, сделанных в тексте «Краткого апракоса» через внесение в него частей из Тетра.

В свою очередь между списками полных апракосов тоже нет точного совпадения по их составу. Л. П. Жуковская обоснованно выделяет среди рукописей данного рода два типа: «Мстиславовский» и «Мирославовский» в соответствии с названиями древнейших списков данных групп, отличающихся друг от друга главным образом по составу чтений в цикле «Нового лета».

Глава пятая (с. 264—321) раскрывает кодикологический тип полного апракоса в текстологическом отношении. Здесь детально прослеживается история этого типа книги на всем протяжении истории Руси с XII по XV в.

Глава шестая (с. 322—349) посвящается вопросу о текстологических группах евангельских текстов в их соотношении с языком. В этой главе еще раз подчеркивается настоятельная необходимость обращения к данным языка традиционных переводных текстов для всех историков русского языка на всех его уровнях.

² *Жуковская Л. П.* Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников.— В кн.: Исследования по истории русского языка и письменности. Под ред. Л. П. Жуковской и Н. И. Тарабасовой. М., «Наука», 1966, с. 44—76.

Как уже отмечено, книга снабжена большим числом графиков и таблиц, из которых отдельные занимают по несколько страниц текста. Эти материалы призваны помочь читателю наглядно представить себе все кодикологические признаки исследуемой книжности. Автором исследования, без сомнения, был вложен титанический труд в закодирование для названных графиков всех данных, извлекаемых из древних рукописей традиционного содержания. Но и читателю декодирование этих данных тоже не дается без напряженных усилий с его стороны!

Несмотря на это и на несколько растянутый авторский слог, книга, без всякого сомнения, будет изучена всеми, кому дороги интересы прошлого нашей страны, нашего народа и его языка.

Воздав должное несомненным достоинствам труда, выполненного Л. П. Жуковской, мы все же не умолчим об отдельных, как нам представляется, частных его недостатках или спорных положениях, в нем высказанных. Так, нам кажется, что первая часть заглавия книги по вниманию, уделенному ей автором книги, и по значительности аргументов несколько перевесила вторую. В книге больше текстологии, чем исследования языка как такового. К тому же все-таки остается неясным, памятником какого именно языка — древнеславянского (в русском его изводе) или собственно древнерусского литературного являются исследуемые тексты традиционного содержания. Автору книги, на наш взгляд, удалось блестяще показать неразрывную связь между обоими этими типами литературно-письменного языка, которыми пользовалась Древняя Русь. Оба эти языка в типологическом и структурном отношении, по нашему мнению, не представляли существенных различий. Так что, может быть, и называть этот язык во всей совокупности памятников, написанных на нем, следует, как это делалось в XIX в., языком славяно-русским? Об этом хотелось бы прочитать в книге с большей ясностью и определенностью.

Мы уже сказали о множестве графиков и таблиц, на наш взгляд, все же несколько перегрузивших собою издание. Как нам представляется, многое, выраженное в этих графиках, было бы изложено доходчивее в обычном словесном тексте.

Наконец, несколько совсем мелких «придинок» к не вполне точному употреблению и пониманию специальной терминологии. Так, вряд ли стоило на с. 226 неподвижную (месяцесловную) часть церковного календаря, противопоставляемую его подвижной (пасхалической) части, называть «гражданским» календарем.

В ряде случаев, как нам показалось, в книге недоучтена многозначность славянского слова «недѣля» как календарного термина. Сочетания «недѣля мясопустная» и «недѣля сыропустная» содержат этот термин в значении первого, воскресного дня недели, а не отрезка